

Лаана Вович

Ты самая лучшая, Танча

18+

Лаана Вович

Ты самая лучшая, Танча

«Автор»

2026

Вович Л.

Ты самая лучшая, Танча / Л. Вович — «Автор», 2026

Это история трансформаций из неуверенной девочки в сильную женщину, история перемен от детской влюбленности к зрелым чувствам, в которых каждый шаг главной героини наполнен добротой и любовью.

© Вович Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Иван.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лаана Вович

Ты самая лучшая, Танча

Часть первая. Иван.

С Иваном мы познакомились 1-го сентября перед нашей первой торжественной школьной линейкой. Я пришла с обоими родителями, которые в важные для меня моменты каждый раз заключали негласное короткое перемирие. Они никогда не состояли в браке и не жили вместе, и в прошлом не очень хорошо расстались; мама игнорировала все отцовские слова, относящиеся к ней лично, но при этом не препятствовала моему с ним общению. Повзрослев, я удивлялась и не понимала, как ей удавалось разделить свой собственный негатив, связанный с отцом, и одобрение его частого присутствия и участия в моем воспитании. Долгие годы горькая обида на отца была словно совсем недавней, хотя мама и не говорила о ней, но я точно знала, что обида была жива.

Ваню сопровождала вся его семья, в то время состоящая из обоих родителей, бабушки и младшего брата.

Оказалось, что наши отцы были коротко знакомы по службе, и, увидев друг друга, удивились оба и этой встрече, и тому, что дети случайным образом оказались зачисленными в один класс. Нас всех представили друг другу, а для своего удобства отцы семейств, чтобы пообщаться и поделиться впечатлениями о событиях в жизни, не упуская никого и ничего из виду, поставили нас, первоклашек, в пару. После линейки и посвящения в младших школьников, шагая за учительницей в класс, Ванька взял меня за руку. Это было так давно, но я отчетливо помню, как в ту минуту я почувствовала себя гораздо уверенней.

Мы подружились сразу и надолго. Чтобы попасть в этот класс, летом мы прошли отбор, своеобразный экзамен-собеседование с несколькими педагогами. Этот класс планировали вести с повышенным уровнем сложности и выбирали детей, которые уже умели читать, считать, ориентироваться в нестандартных ситуациях, поддерживать разговоры на заданные не самые простые темы. Об этом мы узнали гораздо позже от своих родителей, а в то время и я, и Ваня успешно прошли все тесты, после которых были зачислены в тот класс.

Несмотря на сложность и повышенные требования, мы всегда были в числе лучших учеников. Но не только это объединяло нас. Мы по-доброму конкурировали друг с другом, соревнуясь, кто окажется первым, лучшим в учебе, но только среди нас двоих. И еще, мы хулиганили. Мы хулиганили тайно, скрываясь от наших одноклассников и, конечно, от учителей. Но... мы хулиганили не просто так, мы мстили нашим обидчикам за что-то ими допущенное, отчего один из нас или мы оба оказывались или считали себя пострадавшими сторонами. Главного зачинщика среди нас не было, в этих занятиях мы были равны. Мы подкладывали кнопки на стулья одноклассникам и учителям, приклеивали указки к доске, проникали за закрытую дверь школьной технической службы и сбивали время звонков на урок, запускали стаю мышей, купленных накануне в зоомагазине, в кабинет к завучу, меняли учебные карты и плакаты на постеры с Микки Маусом и Дональдом Даком, размазывали клей под столом учителя, подкладывали лягушек в портфели самых вредных одноклассниц, и многое, и многое другое. Мы были бандой, долго скрывали это ото всех и гордились собой. Мы были уверены в том, что вершили справедливость. Конечно, до определенного момента, пока нас не засекали одноклассники и не сдали директору школы. Когда все вскрылось, и мы были раскрыты, случился грандиозный скандал с участием педагогического коллектива, наших с Ванькой родителей и, конечно же, нас. Мы держались стойко, признали за собой совсем уж очевидные проступки, но чаще всего мы молчали, друг друга не выдавали и не перекладывали вину друг на друга. После скан-

дала и долгих разбирательств мы дали клятвы нашим родителям больше не развлекаться таким образом, а между собой решили в самом деле больше не заниматься тайным вредительством, но только потому, что исчезла наша тайна. При этом мы были и оставались одними из самых лучших учеников с самыми высокими оценками и знаниями. Впоследствии, в течение учебного года, при возникновении подобных инцидентов от наших подражателей, директор школы, еще не разобравшись до конца и не найдя зачинщиков, первыми в школу вызывал моих и Ванькиных родителей. После всех разборок обнаруженных наших выходов, чтобы нейтрализовать ситуацию, задобрить директора и педагогический коллектив, и заодно решить вопрос с тем, чтобы нас с Ванькой не выгнали из школы, нашим родителям пришлось принять на себя финансовый удар и поучаствовать в оборудовании компьютерного класса. Хорошо еще, что оба отца были в достаточной степени состоятельными, и эти траты не сильно подкосили семейные бюджеты. Нам позволили остаться в школе и классе, но воспитывали каждую свободную минуту. Родители были шокированы нашим поведением и неуправляемостью, а учителя всякий раз провожали нас настороженными взглядами. После всего случившегося мы продолжали дружить, сидели за одной партой, не болтали на уроках, всегда тянули руки, чтобы ответить учителю на заданные вопросы или чтобы пойти к доске, и мы перестали давать списывать домашнюю работу одноклассникам.

Все это случилось и продолжалось примерно до седьмого класса, когда я стала ловить на себе оценивающие взгляды девчонок. Тогда я поняла, что они завидуют мне, потому что Ванька предпочитает дружить, болтать, смеяться, делиться сокровенным со мной. У Ваньки были приятели, но на первом месте по части дружбы была я. У меня же был только один друг – он, Иван.

Ванька был самым красивым мальчиком в школе. Мои же внешние данные никогда не имели ничего общего с понятиями о красоте. До этого возраста я мало обращала внимания на себя, отмахивалась от замечаний, старалась забыть брошенные мне в спину слова о том, что я толстая, жирная, страшная, косолапая, в жутких шмотках; на меня что ни надень, все плохо; можно не пытаться причесать или постричь, а просто побрить наголо, и это меня не сильно испортит, потому что хуже быть не может; мне стоит всегда ходить в шапке, чтобы скрыть лопухие уши, но в этом я могу найти большой плюс – не придется тратить деньги на серьги, потому что с серьгами я стану походить на жирного папуаса; если я бы посмотрела на себя хоть раз в зеркало, то свалилась бы в глубокий обморок; мной можно пугать маленьких детей: если не будут послушными, станут похожими на меня, и еще много других всегда обидных слов. А уж что мне пришлось испытать в течение года, пока я носила брекеты, которые заставил меня установить отец... «Железный зуб» – это было мое прозвище в то время, меня так называли, не глядя мне в глаза, но со старанием быть услышанными. И никогда мне не говорили обидных слов, никогда, если Ваня был рядом. Гадости говорили только в спину, исподтишка. Из всех этих слов что-то было похоже на правду, что-то может быть и нет, но они копились в моей памяти как снежный ком, давили на меня, а я чувствовала, что порой кому-то было очень нужно оторваться именно на мне, выплеснуть свою злость на того, кто не может ответить. Я со своей некрасотой почему-то должна была принимать и терпеть словесные удары от тех, чей внешний облик заметно отличался от моего: был гораздо более привлекательным и приятным глазам, обращенным на них. Порой я чувствовала зло от очень красивых людей, не понимала, откуда оно у них возникает и не могла ничего сказать в ответ. Я страдала про себя. Передо мной возникало множество вопросов: «А что же будет со мной дальше? Я растолстею еще больше? Меня никто не полюбит? Придет время, Ваня заметит, какая я, и перестанет со мной дружить?» В один момент я надолго задумалась. Видимо, пришло время обратить внимание на все те сказанные в мой адрес слова, внимательно рассмотреть себя в зеркале, сравнить себя не в свою пользу с Оксаной, самой красивой и модной девочкой из параллельного класса. Когда сплетничали, ее называли «наша кукла» или «кукла наследника Тутти». Оксана

в самом деле была похожа на персонажа из старого фильма «Три толстяка», отрывок из которого нам однажды включили на уроке. Менее заметные девочки тоже завидовали ей, а уж что говорить обо мне... Оказалось, что я действительно совершенно некрасивая, не в меру упитанная, нехаризматичная, не изящная, не эффектная, не яркая, не модная, не заботящаяся о своем внешнем облике... Частица «не» стала моей основной составной частью. У меня начало стремительно развиваться недовольство собой, мама после одного случая застала меня в слезах и заставила поделиться всем, что я чувствовала последнее время, а точнее – последние два года. Да, прошло два года с тех пор, как я начала переживать свое несовершенство.

Я поведала маме о своих страхах, но не рассказала о том, что произошло в тот день.

На перемене, спускаясь по лестнице с рюкзаком на плече, я почувствовала, как кто-то идет за мной шаг в шаг, на минимальной дистанции, ставя ногу на ступень, с которой я едва успевала убрать свою. Идущий сзади заставлял меня идти скорее, но такой возможности не было, потому что я тоже шла вслед за кем-то. Я обернулась и увидела старшеклассника, Виталика, по которому сохли мои одноклассницы. Он всегда и на всех смотрел наглым оценивающим взглядом, полным непонятого превосходства над другими и часто цеплялся к симпатичным девчонкам, которые в большинстве своем всегда были рады откликнуться и смеяться вместе с ним. Я лишь пару секунд смотрела на него, и он, столкнувшись со мной взглядом, не сильно, но грубо толкнул рукой меня в голову, я споткнулась, но удержалась, на ходу прикоснувшись рукой к стене, потом я снова оглянулась, и снова он ладонью толкнул меня в голову, уже сильнее и еще грубее. Я не устояла на ногах, потому что преследователь настигал меня своими шагами сзади; я упала и оказалась на ступенях вблизи своего нелегкого рюкзака, который соскочил с плеча во время моего падения. Виталик с мерзкой ухмылкой обернулся, пнул ногой мой рюкзак, а в лицо мне бросил свое отвращение: «Уродина!» Почти не заметив боли от падения, я почувствовала острую боль от несправедливости и жестокости. С того момента я ощущала ее в себе как инородное тело, не знала, как от нее избавиться и продолжала жить, дышать и ходить с ним, носить с собой везде эту постоянно ощущаемую массу. Я не помню, как долго я пребывала в таком состоянии и когда оно прошло, но с того дня я не приближалась к классу Виталика и к нему самому, когда видела издали, и отходила в сторону, чтобы не слышать его имени, когда собирались в группу одноклассницы, чтобы посплетничать. В следующем учебном году я с облегчением заметила, что Виталика уже не было в нашей школе.

Маме я сказала только о том, что очень и очень несчастлива. Ей не удалось успокоить меня, и она позвонила моему отцу. Отец всегда реагировал почти немедленно на все мои проблемы. И в этот раз так же. Он внимательно выслушал меня, мои истории (не все) и жалобы, после чего сказал, что предстоит серьезный и долгий взрослый разговор с глазу на глаз.

Я не ожидала, что ОН будет так жесток со мной. Он сразу подтвердил то, что я давно уже знала. Я некрасива, точнее, я считаю себя некрасивой в настоящих стандартах социума. Услышав эти слова от него, я громко завывала, закрыв лицо руками. Горькие и безутешные потоки слез потекли по моим щекам и рукам. Отец протянул мне свой носовой платок и продолжал говорить и говорить самые неприятные для меня вещи. Я рыдала долго, но он не успокаивал меня, а спокойным голосом продолжал наш разговор обо мне, о моих чувствах, моем отношении к себе, о воспитании себя, находящейся в не самых лучших начальных условиях, которые в настоящее время сложно, но не невозможно изменить. Он говорил о воспитании в себе личности, целостности, построении авторитета, воспитании независимости от чужих суждений, развитии внутренней красоты. Он сказал: «Подумай, ты же не будешь рыдать каждый раз, когда кто-то что-то неприятное скажет о тебе. Тебе стоит задуматься совсем о другом и начать строить внутреннюю опору». Понемногу я успокоилась и начала вникать в его слова. Когда он замолчал, я спросила: «А я смогу все это?» Отец сразу ответил: «Да». Он повторил это свое твердое «да» несколько раз и добавил, что при рождении я собрала самые лучшие гены своих родителей, что я умная и способная, с большим потенциалом для развития; еще он сказал, что

очень любит меня с тех пор, как только увидел первый раз, и это навсегда. Тогда я поверила его словам, и то был важный поворотный момент, после которого я начала понемногу верить в себя. Я рассказала ему по очень большому секрету, что давно уже влюблена в Ваню, а тот продолжает ко мне относиться как к самому надежному другу, но это совсем не похоже на любовь и далеко от романтики, от всего того, чего так робко хотело мое сердце. На это отец ответил, что может так случиться, что с таким чувством придется жить, что его не нужно отвергать в себе, но и не пытаться насильно осчастливить своей вдруг раскрывшейся любовью свой обожаемый объект. Он сказал, что нужно учиться быть сдержанной, не проявлять открыто свои чувства, чтобы не стать жертвой насмешек и не страдать потом самой, но при этом позволять чувствовать любимому человеку свою поддержку. Я пыталась осмыслить все, что услышала в тот раз. А самым важным советом для меня стали его слова о том, что никогда не стоит торопиться с выводами и решениями.

Доверие к отцу, его внимание ко мне, его и мамино участие в моих проблемах и переживаниях сыграли значительную роль в то время. Я становилась эмоционально сдержаннее, не позволяла себе впадать в уныние надолго, отвлекала себя чтением, помощью маме по дому, и я начала выбирать свою будущую профессию. Хотя я до конца не поняла, о чем отец говорил мне, я однозначно решила для себя прислушаться к его словам хотя бы потому, что больше ни с кем не могла обсуждать неудовлетворенность собой и все связанные с этим проблемы. Впоследствии только с ним я обсуждала все свои планы на жизнь, на него я вываливала свои переживания о весе, оттопыренных ушах и прыщах на носу, делилась подробностями своей дружбы с Ванькой, обсуждала разговоры с мимолетными подружками, отношения с учителями и прочее, и прочее. Как гораздо позднее мне сказала мама, мои отношения с отцом и его искреннее и заботливое отношение ко мне стали для нее полной неожиданностью, потому что еще до моего рождения с ней он поступил довольно жестко. Но об этом потом...

После того, как мы с Ванькой закончили школу и разбежались по разным университетам, одновременно выбрав профессию юриста, я чувствовала тоску по прошедшим временам, по нашей детской дружбе, откровениям, нашему ежедневному трепу, по нему. Я думала о том, что сейчас согласилась бы долго и молча смотреть на него. Я хотела, чтобы он просто был рядом. Но Ванька погрузился в учебу, в новые знакомства, новые впечатления от новых событий. Мы созванивались все реже и реже, а нечастые встречи превратились в эксклюзивные события, по крайней мере, для меня: о них я думала, к ним готовилась и о них вспоминала. Так продолжалось года четыре. Учеба, новые знакомства, наставления отца и почти полное отсутствие Вани в моей жизни – все вместе повлияло на меня. Я сильно изменилась. Я научилась владеть собой в любой ситуации, не переходить к разговорам обо всем со своими знакомыми и держать собственные границы; но это потому, что никто другой так и не смог привлечь мое внимание, моя дружба и тем более любовь оставались невостребованными. У меня появились довольно интересные знакомые, но основой наших отношений скорее были общие интересы, связанные с учебой, чем дружба. Круг таких знакомых не был широким, но зато был постоянным. Одна из моих университетских подруг как-то сказала: «У нас немало отличников, но какие бы соревнования они между собой ни устраивали, ты – первая среди всех, Таня». Я мало верила в это, часто была недовольна собой и подвергала себя изнуряющей внутренней критике, но сказанные слова и внимание однокурсников были всегда неожиданными и приятными. Папа как-то сказал мне, что я самая лучшая, и не только среди его детей, а лучшая в принципе, объективно. Лучшая в его понимании – это учиться на отлично, заниматься самовоспитанием и не делать глупостей. К тому времени я уже знала, что требования отца равняются на идеал, сомнительно достижимый как для него, так и для меня. Но отец и не стремился быть идеальным: к себе он относился снисходительно и позволял отступления от правил, о чем как-то разговорился со мной. А вот меня он умело направлял, воспитывал, хвалил и ругал, и все для того, чтобы я не

впадала в уныние и ценила себя и свои достижения. А его слова: «Ты самая лучшая, Танечка» я вспоминала в самые неудачные моменты и повторяла про себя, вздыхая и не очень-то веря в них.

По окончании учебы у меня был выбор, у меня было больше всех предложений о работе среди студентов на нашем потоке. С одобрения отца я выбрала крупную производственно-коммерческую компанию, в которой уже успела немного поработать, проходя практику. Я занималась юриспруденцией, финансами, налогами и необходимой для этой области аналитикой. Сначала было очень сложно, но интересно. Я ничем не выделялась среди коллег, как обычно это происходило со мной, пока я училась. Я ощутила колоссальную разницу между учебой и работой, и мне пришлось нарабатывать свой собственный опыт и новый багаж знаний. Так прошло лет пять или немногим меньше, пока меня не командировали представлять интересы компании в суде. Рабочая ситуация сложилась таким образом, что я нашла ошибку в расчетах претензии, предъявляемой нашей компанией, договориться не получилось, возник иск и нам предстояло судебное разбирательство. Я была уверена в себе, но все равно очень сильно волновалась. В зале суда мои волнения исчезли, я и сопровождавший меня еще более молодой юрист абсолютно спокойно, словно такими задачами мы занимаемся каждый день, предоставили необходимые документы и расчеты, и я указала на допущенную ошибку. Суд встал на нашу сторону. Я была довольна результатом, но ощутила его в полной мере тогда, когда была вызвана нашим генеральным для отчета. Меня сдержанно поблагодарили за работу. Генеральный заинтересовался деталями дела, и пришлось в очередной раз пересказать все с мельчайшими подробностями, потому что в том вопросе было важно все, каждый шаг. Это заняло довольно много времени, я забыла о том, что докладывать следует кратко и емко, не превышая пятнадцатиминутный лимит. Наш с ним разговор продолжался около часа, немногим меньше, чем время, проведенное в суде. В конце генеральный спросил, что я чувствую, выиграв суд у налоговой, на что я ответила, что по-своему смотрю на нашу победу: это не противостояние, а всего лишь проявление человеческого фактора, случайности и ошибки, которую допустил и вовремя не распознал наш оппонент, а ошибиться может каждый. Мой непосредственный начальник, зайдя ко мне сразу после моего возвращения от генерального, сказал, что я могу считать и победу в суде, и последующую за ней долгую беседу с генеральным своим личным триумфом. Мне было приятно услышать его слова, но в тот момент я не придавала им большого значения. Тем не менее, с этого дня я почувствовала иное отношение к себе. Меня не повысили в должности, но стали приглашать на некоторые важные рабочие совещания. Я еще пару раз выигрывала суды, но вскоре моя работа кардинальным образом изменилась. Я начала работать в группе по инвестициям, которую генеральный курировал лично, а еще через два года возглавила ее. Работа вдохновляла меня, я чувствовала внутренний рост и огромную ответственность. Мой отец был очень горд, постоянно ставил меня в пример своему сыну и моему брату Стасу, и мама тоже радовалась за меня. Ванька интересовался моими успехами, но от случая к случаю, редко-редко, потому что мы стали еще реже видеться с ним, но из своего сердца я его не выпускала.

Отец не переставал уделять мне внимание, всегда был в курсе моих дел, сомнений, увлечений и разочарований. У меня появилась возможность лучше ухаживать за собой, и при поддержке отца я отправилась к пластическому хирургу. Решаясь на вмешательство в свою внешность, я опасалась, что результат мне не понравится, и станет еще хуже, чем было. Я успокаивала себя тем, что хуже быть просто невозможно... настолько я не любила свое лицо... Спустя время стоит сказать: это было правильное решение. Красавицей я не стала, но черты лица стали выразительнее, и новый образ подвел меня к изменению привычной стрижки и оттенка волос. Даже генеральный отметил мое преображение, сказав: «Не понимаю, что произошло, но ваш новый облик очень хорош». Все, что я делала с собой, я делала для того, чтобы отражение

в зеркале хоть немного нравилось мне. После всех процедур я все еще была недовольна собой, но то, что я видела в зеркале, явно стоило всех затрат: и материальных, и эмоциональных. Конечно, мне хотелось быть красивой...

С Ванькой мы все же встретились. Он вернулся из одной из своих командировок, позвонил и в этот же день приехал ко мне на работу. Мы отправились ужинать в ресторан и после он сказал, что проводит меня.

В то время я жила отдельно от мамы, потому что у нее наконец-то сложилась личная жизнь, и я сначала сняла для себя квартиру, а чуть позже купила. Мне хотелось, чтобы мама наслаждалась своей личной жизнью и хорошими отношениями с мужем, а не выслушивала каждый день мои рассказы о работе после девяти или десяти вечера, когда я обычно возвращалась домой.

Ванька уверенно пошел за мной, сказав, что мы еще не наговорились. Я ждала от него хотя бы пары слов о том, как я выгляжу теперь. Но он словно не заметил изменений во мне, и про себя я подумала, что как была я страшная, так и осталась... Мой внутренний критик зло шипел мне на ухо о том, что на мою основу невозможно привить даже малую каплю красоты...

Все время, с момента нашей встречи, мы говорили в основном обо мне, моем отце, маме, его родителях и брате, и о моей работе, но у меня дома Ванька помрачнел и сообщил, что от него ушла жена, что он уже пережил это, но все равно осталась какая-то боль, с которой он пока не справился. Ваня замолчал... Я не прерывала его молчания и не стала выражать сочувствия по поводу его развода, не стала говорить, что все пройдет, как это делают все и всегда. Я ждала, когда заговорит он. И Ваня сказал вдруг: «А ты помнишь, как в школе...», и с этими его словами я почувствовала, что он тоже помнит нашу дружбу, теплоту в отношениях и мою детскую любовь к нему... Он положил голову мне на плечо и говорил, и говорил... вспоминал... с тоской, с жалостью, что все прошло и настали времена, в которых неуютно, в которых не всегда знаешь, что правильно, а что нет, но при этом нужно соответствовать и не уронить лицо, репутацию и... и не всегда знаешь, кому можно доверять... он вдруг смахнул слезу, я не удержалась и спросила, все ли с ним в порядке и не случилось ли еще что-то, о чем он не говорит... он внимательно посмотрел мне в глаза, по-доброму, как прежде, и сказал «нет»... потом погладил меня по голове, как будто расправляя мои волосы и поцеловал меня... Первый раз он поцеловал меня... Я не могла не ответить на его поцелуй, ведь все, что происходило в тот момент, всегда было моей мечтой... Поцелуи становились все настойчивее и настойчивее... и... у нас случилось все, что только может случиться. Но я не теряла голову, я все понимала про себя и про то, что через миг все может оборваться, но сопротивляться не хотела... Проснувшись уже одна. Я не услышала, как он ушел. Накрывшись с головой одеялом, которое еще хранило Ванькин запах, я вдыхала его и вспоминала его голос и слова: «Ты самая лучшая, Танча. Таких, как ты, больше нет. Танча...»

Танча – это мое имя из нашего школьного детства, так называл меня только он...

Ваня позвонил днем и спросил, не обидел ли он меня, и я, натренированная годами на сдержанность, ответила, что все в порядке. У меня было сложное эмоциональное состояние, я понимала, что продолжения, романтики, свиданий и поцелуев под луной, как в кино, как бы я не хотела, не будет. Я переживала множество противоположных чувств, а радость и грусть слились в одно целое. Но появилось еще кое-что, и это было ликование от того, что я случайно наконец-то отхватила от жизни то, что хотела: Ивана и его какую-никакую, но любовь ко мне... может быть, не ту, в которой я нуждалась, но все-таки то было любовью, потому что он был очень и очень нежен со мной... и по-другому я думать отказывалась...

Через два месяца я обнаружила, что беременна. Я почувствовала растерянность – состояние, которое было совсем не свойственно мне настоящей. Немного подумав, я позвонила Ване,

попросила о срочной встрече, я не хотела говорить по телефону и хотела видеть его глаза в тот момент, когда правда будет сказана. Нужно было догадаться самой: известие его удивило, но не настолько, чтобы растеряться, как я. Он взял меня за руки и начал говорить о том, что продолжение беременности вряд ли возможно, на его взгляд, потому что это будет не ожидание долгожданного ребенка, а начало всех проблем, которые только могут случиться с нами; что хорошо, что я сказала ему и не принимала решений за его спиной; о том, что такие вопросы нужно решать вместе. Он говорил, что я для него настоящий и самый лучший друг, и это никогда не изменится, о том, что дети должны расти с обоими родителями, а он не видит во мне жену, поэтому... Глупо улыбаясь, я спросила, как он представляет себе свою жену, с учетом уже полученного опыта, на что он ответил: «Высокая, красивая блондинка... наверное...» Про себя я подумала, что эти параметры точно не мои, и что в его коротком списке «Критерии выбора жены» нет «самая лучшая» и «таких больше нет». А уж о том, что он выбирает внешнюю красоту в женщине, а не меня, несуразную и любящую его, и говорит об этом со мной, не беспокоясь о том, что эти слова могут ранить меня, он не задумывался. Конечно, тогда я не подумала, что его слова про образ потенциальной жены – те, которые первыми пришли ему в голову, – штамп социума, то, что всплывает как навязчивая реклама.

Через неделю я избавилась от того, что он назвал проблемой. Еще через неделю я поняла, что скатываюсь в депрессию, и взвалила на себя дополнительные рабочие вопросы, чтобы не хватало времени отвлекаться ни на что, даже на себя.

Как-то на работе мне понадобилась срочная консультация нашего лучшего рыночного аналитика, но телефонные линии были выключены на время из-за местного ремонта, и я решила дойти до его рабочего кабинета. Я поднялась по лестнице вверх до нужного этажа и постучалась в дверь. Кабинет был не заперт, сотрудника на месте не оказалось, и только я хотела выйти, как услышала разговор двух женщин, которые шли вслед за мной. Я знала их немного, они относились к руководителям низшего звена, которых только начали продвигать по карьерной лестнице. Они обсуждали меня довольно тихо, но все же я услышала, что, несмотря на неприметные внешние данные, я классная, стильная, каждый раз выгляжу все лучше и лучше, и что, наверное, это сила денег, которая дает возможность заниматься собой, и еще кто-то, кто, возможно, так влияет на меня, что я чувствую себя уверенно, и что я заметно похудела за последнее время, и это значительно улучшило мой внешний вид. Одна из них сказала, что променяла бы свою внешность на мою не задумываясь, если бы к этому прилагался мой успех и благополучие. Другая же ответила, что некрасивые женщины лучше устраивают свою жизнь, потому что интуитивно чувствуют каждую возможность как последнюю и чувствуют ее лучше, чем красивые. Я тихо прикрыла дверь, чтобы дожидаться, пока они разойдутся, и думала о том, что из услышанного действительно имеет отношение ко мне.

Успех? Да, честно и трудно заработанный.

Деньги? Хорошо, что они есть. С их помощью я исправила худшие из недочетов в своей внешности, полученные от природы. Я перестала ловить на себе взгляды, полные сожаления.

Кто-то, кто стоит за моей спиной и влияет на меня? Да, за моей спиной стоит мой отец...

Я стильная? Я? Спасибо, конечно. У меня просто появилась возможность покупать относительно дорогую одежду; я научилась видеть, что мне подойдет и как скрыть несовершенства фигуры. А вот подчеркивать красоту, как этим двум молодым женщинам с точеными фигурами, мне ни к чему, да и подчеркивать нечего.

Я умная? Да, знаю. Только поэтому и держусь уверенно.

Я лучше, чем кто-то из красивых, устроила свою личную жизнь? Не устроила. И последних возможностей, чтобы ее устроить, я не вижу даже в перспективе, потому что их просто не существует.

А то, что они называют благополучием... У каждого свое определение благополучия... Мне стало немного проще жить и мириться с собой после того, как я поняла, что что-то пред-

ставляю из себя в профессиональном плане, а в остальном... нет благополучия, и оно сложно-достижимо, если только они не имели в виду благополучие как меру бедности или богатства, но это слишком узкое мышление, на мой взгляд... Я не меряю свое благополучие деньгами... я бы назвала счастье мерой... очень редкое счастье...

Хотела бы я променять свою внешность на другую, пожертвовав чем-то важным, но своим? Тут я задумалась ненадолго. Нет, не хочу. И я удивилась самой себе, своему принятию себя. Взрослею, наверное, ... или старею...

Из всего услышанного меня порадовало то, что я заметно похудела. Придя домой этим же вечером, я достала весы, чтобы проверить, куда качнет стрелка и насколько изменились мои параметры. В самом деле, куда-то делись почти двенадцать килограммов, а я и не заметила. Еще я обратила внимание на то, что на мне плохо сидит офисный костюм, один из моих любимых, что растаял мой прежний объем, и нужно срочно ушивать все вещи или покупать новые.

В выходные я собралась навестить отца, посвятить его в последние события, рассказать о накрывшей меня апатии, а заодно и об этом подслушанном разговоре. Мне нужно было его участие и самые простые слова утешения.

Отец отличался отличным вкусом и чувством меры, и я ему доверяла во всем. Он сочетал в себе два важных качества: он был и отцом, и другом. В эту встречу я с удовольствием поболтала со Стасом, отец снова ставил меня в пример, а жена отца, как обычно, молчала, улыбалась, кивала головой и рассматривала свой маникюр, поглаживая кольца и браслеты на красивых руках. Отец заметил перемены во мне, спросил, что случилось, почему я так хорошо выгляжу и, увидев застывшие в моих глазах слезы, отправил своих домочадцев приготовить для всех вечернее чаепитие. Мы остались вдвоем в тот момент, когда слезы уже катились по щекам. Отец обнял меня, прижался щекой к моей голове и, еще не зная ничего, спросил: «Ванька?» Он знал наверняка, что после того, как я смирилась со своей внешностью, расстроить до такой степени могло только одно, точнее один, и это был Ваня или то, что с ним связано.

Я рассказала обо всем, пропустила только Ванины критерии выбора жены, мне и так было тошно, поэтому я не захотела повторять то, что меня ранило. Отец молчал, лишь иногда опускал глаза и качал головой. Мне казалось, что я все уже знала, и его ответы тоже, но все равно мне нужна была его поддержка. Я ее получила, но не ту, которую ожидала. Он сказал:

– Зря ты это сделала, не нужно было ему ничего говорить. Тебе же нужны дети? Ну так что? Ты была беременна от любимого человека – ну и отлично, нужно было готовиться к тому, чтобы рожать, а не идти у него на поводу. Твоя мама в такой же ситуации приняла другое решение. Я тогда не понимал ничего, но меня и не спросили. А сейчас знаю, что все было, как должно быть. У нас есть ты. Мы тебя любим. Я тебя люблю. А тогда я был слишком молод, чтобы принять правильное решение.

– Какое решение?

– Надо было жениться на твоей матери.

– Так почему ты не захотел?

– Я считал, что у меня должна быть другая жена, считал, что Дарья, твоя мать, недостаточно презентабельна внешне, и у меня может быть более подходящая мне женщина.

– Так просто? Вы какие-то одинаковые... Ваня то же самое сказал мне, с тем же смыслом и похожими словами. Но его я понимаю больше, потому что мама все-таки красивая, хотя и полная, а я – нет. Он не захотел ни меня, ни ребенка. Может быть, про себя подумал о том, зачем ему некрасивая как я, собственная дочь.

Отец замолчал на пару минут. Он обдумывал что-то свое, я это заметила по его вдруг возникшей отстраненности.

– Дарья красивая. Даже сейчас, спустя столько лет...

И он снова замолчал. Потом как будто вспомнил, что говорили мы совсем о другом и продолжил:

– Ты права, мужчины примитивные, и история повторяется, один в один. И ты выбрала Ивана, потому что он похож на меня, как бы я не возражал и не был настроен против него. Девочки выбирают мужчин, похожих на отца...

Мы надолго замолчали. В этой наступившей тишине каждый осознавал свои ошибки.

– Если ты снова забеременеешь, оставь ребенка, не будь душой. И я хочу внуков. Ты не останешься одна. Просто поверь в себя, как ты это умеешь.

– Не знаю, возможно ли это. От кого я забеременею?

– От Ивана, от кого еще...

– Я думаю, что после всего... это невозможно.

– Посмотрим...

Вошла Лика, папина жена, и пригласила нас к столу. Отец не сразу сменил настроение, какое-то время он сидел мрачный, и мы пили чай в полнейшей тишине. Каждый из присутствующих опасался сказать что-нибудь лишнее или неправильное. И Лика, и мои братья – Стас и даже младший Митя – поняли, что был серьезный разговор и лучше переждать, чем спрашивать, что произошло, или вообще что-то спрашивать. Через некоторое время отец задумчиво кивнул головой несколько раз, похвалил Ликю за пирог и вдруг заговорил совершенно на другую тему.

– Лика, дорогая, Танечку надо записать к твоему стилисту и к парикмахеру. Так ведь, Танюш?

Я не знала, что сказать, этот переход был неожиданным, я не хотела никуда идти, обсуждать одежду или, тем более, стричься. Я смотрела молча на отца, он на меня. Лика ответила как обычно:

– Да, конечно.

– Хочешь, Лика пойдет с тобой за компанию?

– Нет, спасибо, я одна пойду. Записывай на любой день после семи вечера.

Про себя я подумала, что разговор про стилиста, в общем-то, оказался кстати, чтобы разрядить обстановку. Я согласилась, но про себя решила, что за день позвоню и откажусь, или перенесу визит на неопределенный день. И, конечно, я ни за что бы не согласилась оказаться с Ликой наедине в салоне или еще где-то. Не то, чтобы я ее категорически не любила, нет, за годы я привыкла к ней. Но я никогда не знала, о чем с ней разговаривать, ее молчание напрягало меня, возможно, что и она чувствовала то же самое.

В конце недели раздался телефонный звонок от Ликиного стилиста: мне напоминали о том, что завтра – тот самый день, на который была сделана запись. Лика предусмотрительно записала меня на пятницу, чтобы это время наиболее удачным образом вошло в мои планы, которые в основном касались работы, встреч, поездок и совещаний. Я решила отказаться завтра, примерно за пару часов до визита, сославшись на изменения в рабочем расписании. Для этого я поставила напоминание на ноутбук, чтобы позвонить и не оказаться невежливой.

Пятница оказалась не особо насыщенной рабочими событиями, мы не торопясь подводили промежуточные итоги. В установленный час раздался сигнал и появилось напоминание о том, что мне нужно позвонить стилисту. Я взяла в руки телефон, зависла в небольшой паузе и... решила пойти.

Мое такси остановилось у входа в салон, современного, с красивой лестницей из темного гранита. Я нажала на кнопку звонка, после звукового сигнала открыла тяжелую дверь и столкнулась с глазами с Гошей. Он, улыбаясь, уже шел мне навстречу. Его взгляд был открыт,

искренен, даже добр. Первое впечатление меня не обмануло, как я позже узнала. Меня немного поспрашивали о том, что я ожидаю, какие у меня предпочтения, какая у меня работа и как нужно выглядеть. Я не без интереса включилась в разговор. Единственное, о чем я попросила, – это не делать из меня блондинку и использовать минимум косметики. Сначала я с ужасом смотрела, как меня стригут и как падают на пол мои волосы, но чуть позже расслабилась. Я закрыла глаза, решив про себя: будь что будет, не буду вмешиваться. Открыла глаза я лишь после того, как Гоша легко постучал по моему плечу. Парикмахер закончил свою работу. Визажист, отвернув зеркало от моего взгляда, довольно быстро справился со своей. Через несколько минут я увидела в зеркале совершенно другую женщину, немного похожую на меня, но не ту, которую видела каждый день прежде. И она мне понравилась. Непривычным было то, что у меня теперь короткая стрижка, открытая шея и новый взгляд. Гоша принес мне крупные серьги из своей коллекции, попросил надеть и сказал, что пока даст мне их поносить, а потом посмотрим, как я буду привыкать к новым ощущениям себя. Я была удивлена, мне нравилось мое отражение, и я улыбалась. Гоша назначил время на завтра, чтобы обсудить мой гардероб. Я отказалась от его визита к себе домой, потому что показывать мне было нечего, я похудела, мои вещи болтались на мне, в последнее время я носила лишь один почти бесформенный костюм, потому что мне казалось, что в нем я выгляжу более или менее нормально.

Завтра была суббота, Гоша посоветовал мне запастись терпением. Про себя я думала о том, не много ли я трачу на себя, но после решила, что один раз можно, тем более что мне все равно явно стоило обновить гардероб. И рядом с Гошей я чувствовала себя спокойно и расслабленно. Пока мы выбирали вещи, Гоша аккуратно интересовался, как я реагирую на его предложения, на количество вещей, на цены. Мрачным голосом я сказала, что решила не экономить сегодня. Он только улыбнулся в ответ. Я упиралась, как могла, но кроме костюмов и блузок, Гоша заставил меня купить джинсы. Сначала я втискивала себя в выбранные им модели, потом скандалила, он смеялся, я отворачивалась, потом он снова заставлял меня мерить, и мерить, и мерить. В конце концов, я выдохлась, не могла сопротивляться; мы прихватили две пары джинсов и одни бархатные, на которых он особенно настаивал и от которых я отчаянно отказывалась. Я подумала: пусть он только отстанет; носить не буду или буду ходить в магазин за продуктами по воскресеньям. Гоша отобрал у меня брюки и джинсы, сказал, что отдаст укоротить, а их длину он отмерил еще в примерочной. На этом он отпустил меня домой. Я приехала уставшая, включила телевизор, устроилась на диване и почти сразу заснула. В воскресенье Гоша явился ни свет ни заря; он приехал смотреть на мои туфли и вообще на обувь. Как ни странно, но обувь мою он похвалил, и сумки, и очки тоже. Обувь была только предлогом: Гоша сказал, что он посмотрит на верхнюю одежду и вообще на всю, которая стала велика. Я уже не знала, куда мне деться от него, и пожалела, что вообще ввязалась в эту довольно дорогую авантюру. Но Гоша и тут меня успокоил, подсчитав в уме стоимость моих костюмов в шкафу и купленных вчера. Он оказался прав: новый гардероб нужен, и мы не так уж много потратили на него. Я спросила, какие у него планы, он ответил, что первый этап мы преодолели, а дальше решать мне, продолжать или нет. Я поблагодарила и попросила передышку. Мы составили несколько образов на ближайшее будущее.

На следующей неделе на работе я произвела фурор. Я получала комплименты каждый день, даже от уборщиц. Наиболее лояльные ко мне главная бухгалтер и руководитель пресс-службы, обе ухоженные и всегда красиво одетые, хвалили все наши с Гошей собранные образы, а особенно мои пока не очень любимые бархатные джинсы, надетые с почти мужской рубашкой под гладкий шерстяной пиджак. Они сказали: «Ох, Татьяна! Бархатные джинсы – это шикарно! Ты почему раньше их не носила? Джинсы очень тебе идут...» Я понимала, что произошли перемены, и я стала лучше выглядеть. Мне это было приятно слышать, но счастливее я не стала. Работа отвлекала меня, вне ее я была бесконечно одинока, я стала остро чувствовать

свою никому ненужность, удивлялась своему отражению в зеркале, но уже не отворачивалась от него, и даже ненадолго замедляла взгляд. Разглядывая себя, я задавала себе один и тот же вопрос: «Ну, и кому ты нужна?» Мне бередили душу мои внутренние запросы на человеческую теплоту, на внимание и любовь, и я стала очень сожалеть о сделанном аборте. Поздними вечерами я выходила во двор и, закинув голову, подолгу смотрела в небо. Я просила прощения у того не родившегося ребенка за свое решение и за свою дурость.

Спустя месяцев пять или шесть Ваня внезапно приехал ко мне на работу: ему срочно понадобилась моя профессиональная помощь и совет. Мы пошли ужинать в ресторан, и у нас был долгий разговор о его новой работе, а потом он отправился меня провожать. Мы снова были близки, и он снова был нежен. Отличие этого вечера от предыдущей моей романтической встречи с ним было в том, что Ваня наконец заметил, что я изрядно похудела и изменилась внешне, а я уже не смешивала радость с грустью, я знала, что утром все закончится: карета превратится в тыкву, лошади – в мышей, кучер – в крысу, красивое платье станет старым и дырявым. Для меня это означало то, что Иван тихо исчезнет, и, когда я проснусь и подойду к зеркалу, то увижу себя и подумаю, что я «не очень...», и он меня никогда не полюбит. И я так скажу про себя, потому что оказалась там, где оказалась, сама с собой.

Наутро я запретила себе думать о том, что украла у жизни в этот раз; я позвонила Гоше, и мы отправились сначала пить кофе в торговый центр, а потом выбирали для меня новые серьги, ведь я до сих пор ходила в тех, которые взяла у него ненадолго поносить.

Выходные прошли в суете, совсем не свойственной мне, которую я создавала сама на пустом месте. Иногда я ловила себя на мыслях о Ване и задавала вопрос: «А вдруг снова...?», но у меня в мои «за тридцать» не было ни соответствующего годам опыта, ни представлений о том, как решать глубоко личные проблемы и что будет дальше, поэтому я старательно отгоняла от себя его образ, старалась заглушить в памяти его голос и слова «ты самая лучшая, Танча», которые он произнес снова. Через какое-то время я перестала гадать о беременности, потому что вспомнила о самом эффективном способе отвлечь себя от любых мыслей и завалила себя работой. В рабочих отношениях с генеральным произошли перемены: он стал обсуждать со мной взгляды свои и акционеров на инвестиции еще до того, как они переводились в стадию «рабочие проекты». Мне стал более понятен механизм принятия решений об открытии и завершении проектов, о распределении финансов, я стала иметь большее представление о бизнесе в целом, что также значительно повлияло на меня, и я стала еще более закрытой для любого общения. Меня все больше захватывало жизненное правило «чем больше знаешь, тем чаще молчишь». Но, поскольку с детства я находилась в условиях сознательно ограниченных связей, то такое положение вещей было нормальным для меня. Скорее, я не понимала, как можно дружить вчетвером или впятером, как доверять такому количеству людей, в чем состоит радость общения по пятницам после работы, когда весь офис по частям расходится по барам. Сотрудники на работе сплетничали, что я аутист или близко к тому, но меня это ничуть не задевало. Мне было хорошо самой с собой, без большого количества людей и голосов. Легкость в общении у меня проявлялась только с отцом и с Иваном. Прежде еще и с мамой, но та была счастлива в своей личной жизни, а я старалась не напрягать ее понапрасну своими проблемами. И еще, я чувствовала, что становлюсь все более похожей на отца. Возможно, поэтому нам было так важно и так уютно находиться рядом и молчать, каждый о своем...мы были и становились еще более близкими и родными...

Как-то отец позвонил мне и позвал к себе на выходные, я согласилась, сказав, что приеду поздно вечером, после того как заеду домой переодеться и прихватить нужные вещи.

Мы расположились в гостиной: он на диване, я на кресле; мы погасили верхний свет, он медленно потягивал виски, а я минеральную воду. Мы никуда не торопились и оба знали,

что разговор будет долгим. В этот раз отец заговорил обо мне, о себе, о семейных ценностях. Сначала я не поняла, куда он клонит. Я не всегда угадывала ход его мыслей или реакцию, но никогда разговоры с отцом, его взгляды и советы не были обидными для меня, даже если слова, сказанные мне, были неожиданно жесткими, если не сказать жестокими, и в наших разговорах я всегда ожидала подсказок для себя. В этот раз он размышлял о прошлом, о своем выборе. О Лике. Что-то происходило между ними, но спросить я не решалась.

– У Лики есть одно очень хорошее качество, как я долгое время думал. Это ее умение молчать. Но годы, проведенные вместе, заставили меня засомневаться в этом. Она молчит, потому что знает: ей нечего сказать. Она боится, что ее разоблачат при первом же сказанном предложении. Ее хватило только на то, чтобы привлечь меня, а дальше включились инстинкты. Она хотела удачно выйти замуж, а я хотел ее красоту, улыбку и ее молчание, за которым, как я думал, стоит глубокое понимание меня, любви и недоступных мне смыслов.

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего не стоит за ее молчанием. Ничего. Плюс в том, что она знает, что глупа. Теперь жалею себя и мальчиков.

Для меня откровения отца стали полной неожиданностью. Я всегда думала, что у них хорошие отношения и крепкий брак, основанный на любви.

– Я уже собирался развестись с ней. Но мы поехали к морю, на каникулы Стаса, я размышлял о том, как продолжать жить вместе, когда понимания нет, общих интересов нет и общих целей тоже нет. Через месяц после возвращения Лика сообщила, что мы ждем Митю. Откуда-то она знала, что снова родится мальчик и уже дала ему имя. Так и случилось. Ты знаешь, как я люблю Митьку, но тогда я почувствовал, что попал в капкан семейных ценностей, из которого мне не выбраться. Я отбросил мысли о разводе.

Слушая отца, мне все время казалось, что он что-то недоговаривает, но боялась спросить. Я видела, как он расстроен и не хотела погружать его еще больше в не самые лучшие эмоции. Я решила, что лучше не спрашивать, а дожидаться момента, когда он сам заговорит о том, что в действительности произошло. Мы были в доме одни, мальчики гостили у Ликиной матери в Сочи.

– Пап, а где Лика? Она задерживается?

Последовала слишком долгая пауза для такого, в общем-то обычного вопроса.

– Лика ушла.

И снова очень длинная пауза.

– Папа, куда она может уйти?

– Она в Москве, в нашей квартире. Подала на развод. Ее нет уже две недели. Скоро нужно ехать за мальчиками, и я не знаю, что им сказать.

– А почему она подала на развод? Что произошло?

– Я назвал ее дурой. Видимо, был очень убедителен. Она поняла что-то свое и плакала всю ночь. А наутро собрала детей и уехала с ними к матери. Потом позвонила и сообщила, что разводится со мной... Я даже представить себе не мог, что она может уйти.

Мне было жаль отца, но в его истории было слишком много вопросов для меня, и я догадывалась, что не все так просто, как описывает он. Я вспомнила, как относительно недавно Стас поделился со мной тем, что отец довольно часто ссорится с Ликой. Причины ссор были разные, но не материального характера, и не претензии, что ей что-то не покупают, как сначала подумала я. В моменты ссор Лика говорила о внимании, доверии и уважении. Никто из нас – ни Стас, ни я – не решились задавать вопросы отцу и Лике, а в присутствии мальчиков и меня они демонстрировали хорошие отношения, и другой информации у нас не было. Я ответила Стасу, чтобы он не придавал большого значения услышанному, в семейной жизни случаются разногласия, но взрослые люди стараются их преодолевать. Хотя что я знала о семейной жизни?

...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.